

ТАНЗИЛА УСТЕРХАНОВА

Ровно в семь



Три недели он шёл за этой курткой.

Танзила Устерханова

Ровно в семь

«Автор»

2026

Устерханова Т.

Ровно в семь / Т. Устерханова — «Автор», 2026

Три недели следователь Андрей Воронов идёт по следу человека в красной куртке. В Северном районе одна за другой умирают одинокие старики, и у каждого соседи видели одного и того же гостя: молодого курьера с тяжёлым рюкзаком, который открывал дверь своим ключом. Сегодня Воронов наконец его догоняет. В рюкзаке он находит конверты с чужими пенсиями, связку ключей, шприц-ручки с инсулином и тетрадь с расписанием. В тетради каждый вечер повторяется одна и та же строка: «19:00. Инсулин. Сам НЕ колет». Задержанный не оправдывается. Он смотрит на часы и просит отпустить его всего на час. Воронов уверен, что знает, чем заканчиваются такие визиты. До семи остаётся всё меньше времени, а цена ошибки — чья-то жизнь. Это короткая напряжённая история об одном вечере, о людях, которых мы перестаём замечать, и о звонках, на которые однажды может оказаться поздно ответить.

© Устерханова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ровно в семь	5
16:40	5
17:45	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Танзила Устерханова

Ровно в семь

Ровно в семь

16:40

Человек в красной куртке бежал не так, как бегут от погони.

Воронов отметил это на втором заборе, когда сам уже хватал ртом воздух. Было минус двадцать два, и воздух драл горло, как наждак. От погони бегут зигзагами, оглядываются, ныряют в первый открытый подъезд, бросают на ходу всё лишнее. Этот не обернулся ни разу и тяжёлый квадратный рюкзак не бросил. Он бежал так, как бегут к уходящей электричке, — не от кого-то, а куда-то.

Воронову было всё равно куда. Три недели он шёл за этой курткой: сначала по чужим показаниям, потом по записям камер, последние три дня — своими ногами.

Три недели назад в Северном районе умерла Анна Фёдоровна, девяносто один год. Через пять дней — Семёнов с Заводской, восемьдесят четыре. В прошлый четверг — Лидия Марковна, восемьдесят один, и вместе с ней из серванта исчезли триста сорок тысяч, которые она двадцать лет откладывала «на похороны и внукам». Никаких следов насилия. Двое из троих — диабетики. И у всех троих соседи видели одного и того же гостя: молодой, в красной куртке, с большим рюкзаком. Открывал своим ключом.

Воронов знал, как это делается. Для того, кто ходит к одиноким диабетикам, инсулин — идеальное оружие: укол, сахар падает, человек засыпает и не просыпается. Через сутки в крови толком ничего не найдёшь, а врач, который подписывает справку о смерти девяностолетней старухи, и искать не станет. Ключи старики отдают сами. Сервант открывают сами. И благодарят — тоже сами.

Сегодня куртка обошла шесть подъездов в трёх домах и в каждый вошла со своим ключом. Без двадцати пять, выйдя из последнего, парень глянул на телефон — так смотрят на вокзальное табло, — поддёргнул лямки рюкзака и почти побежал. Воронов вышел из машины ему наперерез.

— Стоять! — крикнул он.

И парень рванул.

Дворы, арка, детская площадка. Крыши гаражей, по которым грохотали четыре ноги. Дорога — перед самым носом у автобуса, который загудел им обоим вслед. Сетчатый забор, ещё один. Воронов был старше лет на двадцать и тяжелее килограммов на пятнадцать, но три недели злости — тоже топливо.

Он догнал его у хоккейной коробки. Парень поскользнулся на раскатанном детьми льду, устоял, но потерял полсекунды, и этого хватило. Воронов сбил его плечом, они вместе влетели в сугроб у борта, рюкзак лопнул по шву, и на снег посыпалось: конверты, перетянутые резинками, связка ключей — много ключей, на каждой бумажная бирка, — блистеры с таблетками, пачка квитанций, толстая тетрадь в клеёночной обложке.

И шприц-ручки. Четыре штуки.

На шприц-ручки Воронов смотрел дольше, чем на всё остальное.

Он завернул парню руку за спину, прижал его щекой к снегу и только тогда расслышал, что тот говорит. Не «отпусти», не «я ничего не сделал». Он спрашивал:

— Который час?

— Тебе теперь без разницы, — сказал Воронов.

— Мне не без разницы, — сказал парень в снег. — Мне в семь надо быть в одном месте.

17:45

Пока ехали в отдел, парень молчал на заднем сиденье, а телефон Воронова дважды пискнул. Банк поздравлял его с днём рождения. Салон сотовой связи поздравлял его с днём рождения. Воронов вспомнил, что ему сегодня сорок четыре.

Это означало ещё одно: вечером позвонит отец.

Отец звонил четырнадцатого декабря седьмой год подряд. Воронов смотрел, как на экране загорается «Отец», и ждал, пока экран погаснет. Ни разу не взял. Отец ни разу не перезвонил — гордый, — и ни разу не пропустил год. Жил он, насколько Воронов знал, в Озёрном, в трёхстах километрах, со своей Галиной. Раз звонит — значит, жив и здоров. Воронову этого хватало.

Поссорились они на годовщине матери. Отец пришёл туда не один, а с Галиной, и Воронов сказал ему всё, что думал. Отец ответил тем же. Что именно было сказано, Воронов за семь лет почти забыл — помнил только, что встал из-за стола и ушёл, а отец не стал удерживать. Да и самого отца он теперь помнил кусками: тяжёлые руки, запах «Беломора», родинку над левой бровью — в детстве Воронову казалось, что она похожа на запятую.

В отделе Колесников, молодой опер, которому Воронов три недели не давал спать, разложил содержимое рюкзака на столе, как товар на витрине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.